

Б. В. ГОРНУНГ

К ДИСКУССИИ О БАЛТО-СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ
И ЭТНИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ*

Гипотеза о балто-славянском языковом единстве, т. е. допущение существования в какую-то доисторическую эпоху такой выделившейся непосредственно из индоевропейской языковой общности или из другой, более узкой общности (например, из так называемой «группы satəm») диалектной группы, из которой могли бы развиться в дальнейшем как балтийские, так и славянские языки, имеет долгую историю.

Знать эту историю вопроса, хотя бы за последние 50 лет, необходимо во всех деталях и необходимо считаться с нею, ибо иначе всегда останется риск произвольного оперирования такими аргументами «за» или «против», которые уже фигурировали в полемике раньше и были подвергнуты критическому анализу. Возрождать давно известные аргументы, рассчитывая, что читателю неизвестно то, как они опровергались, нам представляется недопустимым.

Ярким примером такого игнорирования истории вопроса является статья Я. С. Отрембского «Славно-балтийское языковое единство»¹. При этом Я. С. Отрембский не указал достаточно четко, что он сам в предыдущих (относительно недавних) работах стоял на почти противоположных позициях, и не объяснил, почему он от этих позиций отошел.

Формулировать вопрос о балтийско-славянских языковых связях так, как он сформулирован в поставленном Советским комитетом славистов вопросе («Существовало ли... единство?»), сейчас уже нельзя. Так этот вопрос стоял в научной полемике 1911—1913 гг., вызванной специальной главой в книге А. Мейе «Индоевропейские диалекты»², но и тогда уже в решении его Я. М. Эндзелином и Я. Розвадовским была показана недопустимость такой прямолинейной и примитивной постановки. Полемика тех лет оставила нам ценнейший материал фактических наблюдений, который далеко не полностью был использован в последующей литературе. Однако с тех пор индоевропейское сравнительно-историческое языковедение и его исследовательская методика ушли далеко вперед. Поэтому сейчас «балто-славянская проблема», во-первых, не может разрабатываться изолированно от общей относительной хронологии этапов распространения индоевропейской речи в Средней и Восточной Европе и этапов постепенного дробления индоевропейского языкового единства. При этом, по нашему глубокому убеждению, в реализации этого дробления процессы интеграции различных типов (усиление контакта, взаимопроникновение и сдвиги говоров) не только постоянно сопровождали процессы дифференциации (распадения языковых единств), но и нередко преобладали над ними, так что сама дифференциация, т. е. разрыв прежних связей

* См. ВЯ, 1958, № 1, стр. 36.

¹ ВЯ, 1954, №№ 5, 6.

² A. Meillet, Les dialectes indo-européens, Paris, 1908.

являлась иногда только следствием интеграционных процессов; в развитии разнохарактерных в разные эпохи балто-славянских языковых отношений и связей эти особенности процесса развития родственных языков проявились особенно ярко и типично. Во-вторых, «балто-славянская проблема» в целом, как и в отдельности проблемы происхождения балтийских и славянских языков и вопрос о характере связей внутри каждой из этих групп, как и любая другая группа, касающаяся происхождения определенной группы индоевропейских языков, — должна рассматриваться как проблема комплексная, т. е. лингвистико-археологическая, а не чисто лингвистическая. Только в этом последнем случае могут быть введены в исследование территориальные уточнения, и относительной хронологии реконструируемых этапов могут в отдельных случаях сопутствовать абсолютно-хронологические гипотезы. Изучение генетических связей между языками «вне времени и пространства» лишает исследование подлинно исторических перспектив, так как начисто открывает историю языка от истории его носителей.

Методика разработки генетико-лингвистических вопросов должна быть направлена как на реконструкцию этапов доисторического развития индоевропейской языковой общности (вместо прежних стремлений установить статическую систему «праязыка эпохи распада»), так и на воссоздание одновременно существовавших пучков изоглосс, внутри которых территория могла раскаться на части другими изоглоссами, связывающими эти части с территориями внутри других пучков. И эти черты языкового развития выступают при анализе балтийско-славянских языковых отношений очень ясно.

Поэтому-то в свете методических достижений современной науки о языке и стало невозможным допускать существование «балто-славянского единства» без постановки вопроса: из чего, когда и в результате каких примерно процессов могло образоваться такое единство. Равным образом стало уже невозможным допускать, что это единство (если оно когда-либо и существовало) могло в какой-то определенный момент «распасться» на два новых единства («общеполтийское» и «общеславянское»), которые затем снова «распались» на отдельные славянские и отдельные балтийские языки, т. е. в части последних на языки прусский, латышский и литовский.

Уже исследования К. Буги заложили прочную основу для воссоздания сложнейших процессов образования тех балтийских языков, которые сохранились до исторической эпохи. Пусть некоторые конкретно-исторические выводы Буги остаются спорными или даже необоснованными, но опровергнуть его общий тезис о сложности и запутанности этих процессов и вернуться к прежним примитивным схемам уже невозможно. После К. Буги исследования, развивавшие его исходные положения, позволили сделать вывод, что языки латышской и литовской народностей образовались относительно поздно (между IX и XIII вв.) из частей р а з н ы х групп, и, следовательно, непосредственно из «общеполтийского» или даже «общевосточнобалтийского» («летто-литовского») выделяться не могли, а прусский, или «западнобалтийский», язык, по-видимому, вообще никогда не переходил в своем развитии далее стадии диалектной группы, в которую входили и ятвяжско-судавские диалекты, и диалекты, ассимилированные позже литовским языком (шалавский и надравский).

Я. М. Эндзелин убедительно показал, что прусский язык следует рассматривать в качестве очень специфической по своим связям языковой единицы — рассматривать его как в ряду балтийских языков, так и в ряду прочих индоевропейских языков. С такою же убедительностью К. Буги говорит о том, что в течение многих веков, когда еще бесспорно

существовало общеславянское языковое единство, никакого единства балтийских языков уже не было. Сейчас уже можно идти дальше К. Буги и допускать, что если даже и существовало когда-либо балто-славянское единство, оно «распалось» не на «общеполтийское» и «общеславянское» единства, а скорее на два других новых (относительных) языковых единства, которые у с л о в и о можно обозначить как «протославяно-прусское» и «протолетто-литовское». К последнему единству, относились все диалекты, из которых позже путем перегруппировок, ассимиляций и слияний сложились латышский и литовский языки. Однако К. Буга и примыкавший к нему Ю. Геруллис¹ не дошли до этого вывода и не отрицали существования какого-то изначального «общеполтийского» периода (Urbaltisch), как, к сожалению, не отрицают его до сих пор ни Я. М. Эндзелин, ни А. Сени, ни Э. Френкель, хотя обосновать это допущение какими-либо прочно установленными фактами нельзя. Только В. Пизани в своей работе «Balto e slavo»² и затем Я. С. Отрембский в своих рецензиях на труды Я. М. Эндзелина «Введение в балтийскую филологию»³ и «Звуки и формы балтийских языков»⁴ поставили понятие «Urbaltisch» под некоторое сомнение, хотя позже сам Я. С. Отрембский и отказался, по-видимому, от своего законного скептицизма.

Точка зрения автора настоящей статьи на этапы постепенного дробления индоевропейской языковой общности подробно изложена в тезисах доклада «Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи». Она не может быть повторена здесь полностью. Укажем только, что мы не можем признать достаточно обоснованной гипотезу о длительном существовании «северноиндоевропейской» диалектной группы, в которую протобалтийские и протославянские диалекты якобы входили вместе с протогерманскими. Лексический материал, собранный в работах К. К. Уленбека, Ем. Георгиева, В. Махка и Ф. Шерера, еще не дает оснований для такого утверждения. Мы принимаем вслед за А. Мейе, Ф. Шехтом и многими другими лингвистами гипотезу о первоначальном членении индоевропейской языковой общности (после обособления хетто-лувийских языков) на две зоны: северо-западную, из которой вышли кельтские, италийские, венетские, так называемые «ллирийские», германские, балтийские, славянские и тохарские языки, и юго-восточную, из которой вышли греческий, армянский и индоиранские языки. Эти две зоны до конца III тысячелетия до н. э. не могут рассматриваться как окончательно обособившиеся, и в диалектах обеих зон продолжали развиваться в ряде случаев одни и те же языковые тенденции. Однако явления, очаг возникновения которых находился в одной зоне, распространялись в диалектах другой зоны в ослабленном виде, как бы затухая. Наибольшие различия между диалектами одной и другой зоны были в области лексики; в частности, только в северо-западной зоне была усвоена (иногда самостоятельно отдельными диалектами) лексика неиндоевропейского происхождения, распространявшаяся с юго-запада Европы вместе с носителями «культуры колоколообразных кубков» (ср., например, названия серебра).

¹ G. Gerullis, Baltische Völker, «Reallexicon der Vorgeschichte», Bd. I, 1924, стр. 335—342.

² «Studi baltici», v. II, 1932 (перепеч. в кн. V. Pisanì, Linguistica generale e indoeuropea, Torino, 1947, стр. 65—82).

³ «Slavia occidentalis», t. 18, 1947.

⁴ «Lingua posnaniensis», II, 1950, стр. 268—274.

⁵ Тезисы докладов на Сессии Отд-ния ист. наук [АН СССР] и Пленуме Ин-та истории материальной культуры [АН СССР] ..., М.—Л., 1956, стр. 27—41.

Предположительно в самом конце III или на рубеже II тысячелетия до н. э., одновременно с ослаблением связей между этими двумя зонами, происходит распадение «северо-западной» зоны на «западную» (протокельто-иллиро-итало-германскую) и «северо-восточную» (протобалто-славяно-тохарскую). К носителям диалектов этой «северо-восточной» зоны надо предположительно отнести и тех носителей «культур боевых топоров», которые проникают в начале II тысячелетия до н. э. в Прибалтику и даже в южную Финляндию, а также носителей фатьяновской культуры в Средней России. Х. А. Моора считает, что в это-то время предки балтийских племен и попали в Прибалтику, причем были ассимилированы финнами только на территории Эстолии и южной Финляндии, а на территории значительной части Латвии (кроме районов, занимавшихся ливами до эпохи средних веков) и всей Литвы этническая и языковая преемственность имела место с начала II тысячелетия до н. э. и вплоть до нашего времени¹. Эту точку зрения мы считаем ничем не обоснованной. Б. А. Серебряников предполагает «наличие в лесной полосе в районе Волго-Клязьминского междуречья до появления в этих местах славян какого-то индоевропейского языка, весьма близкого к современным балтийским языкам»². Если гипотеза Х. А. Моора абсолютно неприемлема, то выводы Б. А. Серебряникова нуждаются по меньшей мере в уточнении. Ведь если речь идет о периоде «до появления славян» в верхнем Поволжье и на Оке (т. е. о первой половине I тысячелетия н. э.), то островки «восточнолитовского» (голядского) населения, вероятно, доходили в первые века н. э. и до этих мест, но с «фатьяновцами» эта несомненно балтийская (а не «близкая» к ней) речь ничего не имела общего, так как последние исчезли (были истреблены или ассимилированы автохтонами) еще в конце II тысячелетия до н. э. Эти два этапа (поглощенные «фатьяновцев» автохтонным населением и поглощение «голяди» восточными славянами), разделенные промежуток времени не менее, чем в 2000 лет, нельзя брать за одну скобку; перед приходом славян в указанных районах могла существовать просто восточнобалтийская речь в виде островков среди финнов, а за 2000 лет до этого среди автохтонного (по видимому, финского же) населения могли быть островки носителей индоевропейских говоров, «близких» к современным балтийским языкам только тем, что и те, и другие вышли из одной и той же «северо-восточной» индоевропейской диалектной группы.

Языковым схождением тохарских языков (особенно тохарского Б) с балтийскими (на что впервые обратил внимание Э. Френкель³) и славянскими (что отмечалось Э. Бенвенистом⁴) мы придаем исключительное значение. «Схождения» эти пока еще только-только намечаются, так как они прежде всего лексического характера, а исследовать тохарскую лек-

¹ Х. А. Моора, Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике, «Краткие сообщения... ИИМК», 1952, вып. 48, стр. 3—24; е го ж е, К истории сложения балтийских племен (см. указ. тезисы докладов на пленуме ИИМК, М., 1957, стр. 42—45).

После сдачи настоящей статьи в набор Х. А. Моора опубликовал новую статью «О древней территории расселения балтийских племен» (см. журн. «Советская археология», 1958, № 2, стр. 9—33). Концепция его остается прежней, но некоторые новые детали, естественно, не могли быть нами учтены.

² Б. А. Серебряников, О некоторых следах исчезновения индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам, «Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai», Serija A, 4, 1957, стр. 71; см. также стр. 69 и сл.

³ E. F r e n k e l ' s, Tocharų kalbos gramatika ir baltų kalbos, «Archivum philologicum», kn. III, Kaunas, 1932.

⁴ E. B e n v e n i s t e, Tokharien et indoeuropéen, «Hirt-Festschrift», vol. II, Heidelberg, 1936, стр. 237.

сику до кодификации ее в словарях Ван-Виндекенса (1941) и Поухи (1955) было очень трудно. Эти лексические связи оказываются вполне совместимыми с наличием беспорных фонетических и грамматических связей с хеттскими языками, на которых в последнее время особенно настаивает (расходясь с выводами Х. Педерсена, 1941 г.) Вяч. В. Иванов¹ (ранее на них попутно указывали А. Мейе и Э. Бенвенист). Относительно раннее полное обособление тохаров от всех прочих индоевропейцев должно было способствовать (как это часто бывает в маргинальных ареалах) сохранению таких архаических черт в строе языка, которые засвидетельствованы, не считая тохаров, только у хеттов (хотя -г- в пассиве известно также и у италиков и кельтов).

После ухода «протохарской» части «северо-восточных» индоевропейцев из Восточной Европы, что можно связывать с распространением «абашевской» культуры (генетически связанной с фатьяновской) за Волгу примерно по направлению Казань—Уфа—Магнитогорск, остаток еще не распавшейся «северо-восточной» индоевропейской диалектной зоны и можно считать тем общим источником, из многообразия говоров которого сложились, с одной стороны, «протобалтийские» диалектные группы (несколько, а не одна), а с другой стороны — те группы говоров, которые консолидировались в «протославянское» (условно «протопрусо-славянское») относительное языковое единство. К этой эпохе надо, очевидно, отнести и образование сходных, но не тождественных акцентологических систем славянских и балтийских языков. Это относительное единство на следующем этапе, после отпадения «протопрусских» диалектов, т. е. разрыва непосредственных связей с ними где-то в бассейнах Нарва и Бобра и на южной окраине Мазурских озер, стало исключительно тесным, устойчивым и долговременным (может быть, от конца II тысячелетия до н. э. до II—IV вв. н. э.). Это и было общее славянское языковое единство.

Только в изложенном выше смысле нам и кажется возможным говорить о «балто-славянском» генетическом единстве. Очагом диалектной группы, в которую уходят своими корнями в первой половине II тысячелетия до н. э. как все балтийские языки, так и общеславянские язык-основа (его можно назвать и «праязыком»), мы считаем ареалы распространения среднеднепровской, комаровской и тицинецкой культур эпохи бронзы. В этом вопросе Т. Лер-Славинский и П. Н. Третьяков расходятся только в частности². Расходимся в деталях то с одним из них, то с другим и мы. Но, отвлекаясь от этих частности, нельзя не принять (только для этой эпохи) основные линии концепции обоих ученых (лингвиста и археолога) почти безоговорочно и нельзя не отвергнуть с той же решительностью противоположную концепцию польского археолога Ю. Костшевского³, в которой в роли «праславян» эпохи бронзы оказываются носители раннедунайской культуры. «Балто-славянское единство» в его традиционном понимании Ю. Костшевский отвергает и отвергает правильно, но обоснование его неправильно от начала до конца, так как он игнорирует все, что было достигнуто К. Бугою и его продолжателями (Геруллисом, Фасмером, Кипарским и др.) в вопросе об образовании балтийских племен

¹ В. В. Иванов, О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов, «Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР...», М., 1957, стр. 27—35.

² См. Т. Лер-Славинский, Новая попытка освещения проблемы происхождения славян, ВЯ, 1955, № 1, стр. 152.

³ См. J. K o s t r z e w s k i, Stosunki między kulturą łużycką i bałtycką a zagadnienie wspólnoty językowej bałto-słowiańskiej, «Slavia antiqua», t. V (1954—1956), Poznań, 1956.

и языков, и всё, что было достигнуто советскими археологами в вопросе о происхождении славян¹.

Указанное выше относительное единство племенных диалектов от среднего Днестра до Одера в середине II тысячелетия до н. э., которое можно считать «протобалто-славянским», хотя в него должны были входить и другие диалекты, не получившие прямого развития и позже поглощенные либо «протобалтийскими», либо «протославянскими», не могло быть в начале полностью обособлено от других индоевропейских диалектных групп. На юго-востоке этого широкого ареала происходило активное культурное (следовательно, в какой-то степени и языковое) взаимодействие носителей названного комплекса бронзовых культур с носителями культур позднетрипольского типа, которые, по всей вероятности, были в то же время посетителями диалектов «протофракийского» типа². На северо-западе происходило такое же (но менее активное до известного момента) взаимодействие с носителями культур унетичкой, предлужицкой и ряда других среднеевропейских культур, т. е. с предками кельтов, так называемых «северных иллирийцев» («иллиро-венетов», или «лугиев») и германцев.

Общеславянский язык-основа на первом этапе своего развития (т. е. до отрыва от него «протопрусских» диалектов) складывался, по-видимому, как в процессе внутренней консолидации (взаимопроникновение элементов языка носителей тичинецкой, комаровской и других близких или более восточных культур), так и в процессе постепенного отрыва от северо-западной периферии этого комплекса культур. За его периферией на северо-востоке складывались и распространялись далее на северо-восток же и позже на восток диалекты «протобалтийские» в собственном смысле или (условно) «летто-литовские». На втором этапе произошел отрыв «протопрусских» диалектов, и только тогда стало возможным образование того пучка изоглос, который характеризует реконструируемый нами «общеславянский язык-основу» в его отличиях от всех прочих индоевропейских языков, в том числе и от балтийских.

Разрыв тех генетических связей славянских языков с иранскими, которые мы наблюдаем в рамках существования так называемой «группы satem» (реально-исторически не «группы», а лишь нескольких концентрически расположенных изоглос), произошел не только значительно раньше окончательной консолидации общеславянского языка-основы, но и раньше образования «протославянопрусской» кратковременной общности. Хронологическое определение образования этих нескольких изоглос (как результата временного контакта части «северо-восточной» диалектной зоны с частью «юго-восточной») пока еще далеко не ясно, и никаких абсолютных дат установить еще нельзя, но совершенно очевидно, что рассматривать балто-славянские и славяно-иранские генетические языковые связи в одной и той же плоскости (даже если бы удалось четко отграничить эти последние от позднейшего славяно-скифского взаимодействия) недопустимо. Это положение было предвосхищено в заключительной части «Славяно-балтийских этюдов» Я. М. Эндзельна (1911),

¹ См. также, T. Le h r-S p ł a w i ń s k i, Wspólnota językowa bałto-słowiańska a problem etnogenezy słowian, «Slavia antiqua», t. IV (1953), Poznań — Wrocław, 1954.

² Термин «протофракийский» применен здесь в чисто условном традиционном смысле. Точнее было бы говорить о «протодакийских» или «дако-мизийских» диалектах, оставив термин «фракийцы» только за населением, жившим к югу от Дуная. Подробнее см. заключительную главу книги Вл. Георгиевца «Тракийский язык» (София, 1957, стр. 77—83). Румынские археологи (Р. Вульпе, Д. Попеску, ранее В. Парван), продолжают держаться широкого понимания термина «фракийцы» (доисторические), примененного, следовательно, и к носителям культур позднетрипольского типа.

хотя формулировка, данная там, еще не очень точна и была уточнена А. Сенном (в работах 1941 и 1954 гг.)¹.

На еще более позднем (третьем) этапе развития общеславянского языка-основы произошло культурно-этническое наслоение на «праславян второго этапа» с запада в результате экспансии лужицкой культуры. Это наслоение, отразившееся в языке, преимущественно в лексике (не только в появлении слов с фонетическим обликом типа «kentom»), не подлежит никакому сомнению, но Т. Лер-Сплавинский его значение несколько преувеличивает. Археологические исследования последних лет показывают, что раннежелезные культуры «предскифского» периода (X—VIII вв. до н. э.) в областях к западу от среднего Днепра («белогрудовский» и «чернолесский» этапы этого периода) обнаруживают тесную связь с бассейном верхнего Днестра, южной Польшей и даже основными районами лужицкой культуры этого времени². Это культурное единство и можно связывать с ареалом языкового единства «праславян третьего этапа», как это делали уже Буга, Фасмер и некоторые другие.

С VIII—VII вв. до н. э. начинается проникновение скифских (а не иранских вообще) элементов с юго-востока на северо-запад (вплоть до Силезии), которое, возможно, сопровождалось кое-где и языковой асимметрией (иранизацией) части «праславян»³. Перед лингвистами стоит задача распределения фактов славяно-иранских «схождений» и связей на два разделенные между собою огромным промежутком времени слоя: слой древнейших генетических связей в недрах еще не распавшейся окончательно индоевропейской языковой общности (эпоха формирования «группы satəm») и слой результатов славяно-скифского (позже славяно-сарматского и славяно-аланского) взаимодействия. Эта проблема была четко поставлена В. Пизани в докладе «Slavo e irano» на III Международном лингвистическом конгрессе в Риме (1933), но до сих пор не получила дальнейшей разработки.

Никаких балтийско-славянских языковых связей на упомянутых выше втором и третьем этапах существования «общеславянского (пра-славянского)» языка-основы проследить нельзя, а ранее (на первом этапе) такие связи захватывали лишь «протозападно-балтийские» диалекты (предков языков прусско-яввяжской группы). Следовательно, более широкий охват эти связи могли иметь только раньше, когда сам общеславянский язык-основа еще не консолидировался как языковое единство, т. е. как территориальное единство, ограниченное определенным лучком изоглосс. Это положение, которое начинает получать более полное освещение лишь при нынешнем состоянии лингвистической и археологической науки, было предвосхищено в 1912 г. Я. Розвадовским, который признавал балтийско-славянское языковое единство, но отнес его к III тысячелетию до н. э., после чего, по его мнению, протославяне и протобалты разделились совершенно обособленно, в разных условиях, во взаимодействии с разными языками и лишь через 1500—2000 лет (в первых веках н. э.)

¹ A. Senn, On the degree of kinship between Baltic and Slavic, «Slavonic and East-Europ. review», vol. 20, 1941, стр. 258—265; е г о ж е, Die Beziehungen des Baltischen zum Slavischen und Germanischen, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», Neue Folge, Bd. 71, Hf. 3—4, 1954, стр. 162—188.

² Роль существовавшей незадолго высочайшей культуры еще очень неясна, но едва ли толкуется правильно польскими археологами.

³ Ср. соображения А. И. Тереножкина о «скифах-пахарях» в докладе на пленуме ИИМК 1954 г. «Об этнической принадлежности лесостепных племен Сев. Причерноморья в скифское время» (см. ВДН, 1955, № 4, стр. 189). См. также автореферат его докторской диссертации «Предскифский период в днепровском лесостепном правобережье» (М., 1958, стр. 27—29).

вошли вновь в территориальное соприкосновение и в непосредственное взаимодействие.

Положение К. Буги о том, что до первых веков н. э. славянская территория в Поднепровье не заходила на север за Припять, за которой начиналась территория балтийских племен, сейчас едва ли можно оспаривать. Если же признать попытки П. Н. Третьякова археологически доказать более раннее проникновение славян в верхнее Поднепровье (и даже далее в верховья Оки) убедительными, то лингвистически «балто-славянскую проблему» придется признать неразрешимой и снять с повестки дня¹.

Вопрос о судьбе диалектов, из которых позже (после отпадения прусо-явтяжской группы от раннего протославянского ядра) развивались балтийские языки, и вопрос, почему общепалтийское единство следует считать очень относительным, выходят за рамки вопроса, поставленного Советским комитетом славистов.

Что же касается балто-славянского «этнического» единства, то даже постановка такого вопроса представляется нам неправомерной, так как она возвращает нас к временам блаженной памяти Адольфа Пикте с его «праарийскими идиллиями». Это — область уже не науки, а фантастики.

---

¹ Ознакомление автора (уже после сдачи статьи) с новейшими (еще не опубликованными) результатами исследований южнополюсской «милоградско-подгорцевской» культуры конца I тысячелетия до н. э. в ее отношениях к ранневосточнославянской зарубинецкой культуре открывает возможности новых хронологических уточнений балто-славянских отношений накануне исторической эпохи, но несколько не нарушает изложенной выше концепции, а наоборот, подкрепляет ее.